

Из аудиозаписи судебного заседания: речь представителя истца

Ваша честь, я считаю, что в рамках настоящего дела мы должны очень тщательно, очень внимательно отнестись к совокупности тех доказательств, которые перед нами встали. И я все-таки считаю, что основным, конечно, доказательством, которое в таких делах в основном влияет на решение суда, является заключение комиссии экспертов. И мы согласны с тем, что эти эксперты в целом правильно описали суть проблемы. Они описали, что были травмы, была госпитализация, в результате развилось органическое поражение, которое влияет на внимание, на память, на утомляемость, на эмоции, на отношения с другими людьми.

Но при этом эксперты сказали, что произошли изменения, прекратились госпитализации, прекратились припадки, ведется реабилитационная работа, человек трудоустроен. И при непосредственном обследовании человек производит очень хорошее впечатление, такое, что даже вызывает у экспертов сомнения. И отсюда следует, что эксперты вообще – и это мы поняли из допроса эксперта – были готовы дать заключение о способности И. проживать самостоятельно, о способности И. понимать значение своих действий, руководить ими при помощи других лиц.

Эксперты были готовы положительно ответить на этот вопрос. Но что их остановило? И мы тоже поняли, что их остановило.

Их остановило, во-первых, то, что, **отвечая на этот вопрос, они имели в голове ответ на другой вопрос. Они имели в голове ответ на вопрос, может ли И. жить самостоятельно.** И эксперт сам сказал здесь: они написали, что она не может понимать значение своих действий и руководить ими даже при помощи других лиц, потому что они пришли к выводу, что она не может проживать самостоятельно. Но И. и не ставит вопрос о том, что она хочет проживать самостоятельно. И. это понимает, и она критически относится к своему положению – потому она и говорит, что планирует по-прежнему проживать в психоневрологическом интернате.

То есть эксперты, отвечая на вопрос, домысливали что-то такое, что не соответствует действительности. И это произошло с экспертами несколько раз. Потому что эксперты взяли на себя (к сожалению, это уже сложившаяся частая практика, но в данном случае она наиболее характерно себя проявила) функцию некоторых исследователей. Они не только исследовали состояние И., которая была им предоставлена как живое лицо, как объект экспертизы. И не только исследовали медицинские сведения – **они брали информацию о каких-то фактах и событиях, каких-то там нарушениях режима, конфликтах с другими проживающими, которые они не изучали.** Если бы здесь, в судебном заседании, кто-то бы заявил, что И. подралась с кем-то из проживающих, то мы бы сказали: но как же так? значит, надо вызвать свидетелей, допросить их, выяснить противоречия, выяснить их заинтересованность, отношения; может

быть, наличие личных неприязненных отношений могло повлиять на показания свидетелей, может быть, этому свидетелю нельзя доверять?.. Но эксперты взяли какие-то факты на веру, и эти факты повлияли на их мнение. То есть **они не поверили своим глазам, а поверили каким-то фактам**. И в данном конкретном случае нам известно, что у И. были конфликтные отношения с психиатром, и что были, скажем так, «искажения», пристрастные формулировки, преувеличенные, и именно они повлияли на экспертов.

Точно так же эксперты говорят, что слова К. повлияли. Но мы же не отменяем К. – мы, наоборот, говорим, что К. с И. не общались, и ее слова не могут быть критерием, для того чтобы оценить И. сейчас. И она сама это признает: К. сейчас встала и сказала, что у нее не было конфликта с И. А эксперты-то считают, что у них делящийся конфликт, который продолжается до сих пор, который все эти годы развивается. И на этой основе делают вывод о том, что у И. происходит социальная дезадаптация, значит, она у нее нарастает, раз она с матерью не может помириться. Но она с ней не ссорилась, она не общалась с ней 14 лет. Эксперты этого не знали. И это повлияло на их выводы в худшую сторону.

То же самое – алкоголизация. На самом деле, был ли факт единичной алкоголизации в 2020 году или не был, – не столь существенен. Почему? Потому что на самом деле у нас очень много алкоголизированных людей, к сожалению, и никто их дееспособности за это не лишает. Сама по себе алкоголизация не является доводом в пользу лишения дееспособности, даже если она была.

То есть получается, что **внимание суда отвлекается от существенных обстоятельств к несущественным**. А **существенным обстоятельством является то, может ли И. понимать значение своих действий и руководить ими при помощи других лиц**. И мы не увидели ни в заключении экспертов, ни в показаниях свидетелей, ни в объяснениях заинтересованных сторон, ни в представленных документах никаких конкретных фактов, которые говорили бы о том, что И. отрицает, отвергает помощь других лиц. Или что она совершает какие-то такие действия в сфере гражданско-правовых отношений, которые бы свидетельствовали о том, что она не понимает: распоряжается своим имуществом, заключает кредиты, проигрывает деньги в казино, раскидывает свои вещи или наоборот, покупает какие-то ненужные вещи, или что-нибудь в таком духе. Никаких таких фактов в последнее, во всяком случае, десятилетие, которые бы свидетельствовали о выраженном дефекте И., нет. И поэтому у нас сложилась уникальная ситуация, когда все факты и даже личное мнение психиатров-экспертов, которые здесь допрошены, складываются в пользу того, что И. вполне нормализовалась, стабилизировалась, улучшилась и может понимать значение своих действий и руководить ими при помощи других лиц, всё свидетельствует об этом, кроме выводов экспертов. И **мы видим, почему этим выводам экспертов нельзя доверять в полной мере**.

И в такой ситуации мы должны все-таки понять и вспомнить о том, что **никакое доказательство не имеет для суда заранее установленной силы**. И в данном конкретном случае я все-таки считаю, что это та исключительная ситуация, когда можно отступить от выводов экспертов и удовлетворить

поданное заявление, несмотря на их заключение. Тем более что имеются материалы дела, в том числе заключения других психиатров, независимых, тоже исследовавших И. То есть, если суд, на наш взгляд, примет решение, дав правильную оценку заключениям экспертов, это не будет каким-то беспочвенным утверждением, это будет вполне обоснованным утверждением, основанным, в том числе, и на заключении экспертов-психиатров с двадцатилетним стажем, которое было представлено в материалах дела. На этом основании я поддерживаю первоначально поданное заявление и прошу суд его удовлетворить.

<...>

Ваша честь, мне кажется, что показания эксперта – это было доказательство, я даю пояснения по доказательству, изученному сейчас, – было очень характерным.

Во-первых, сам эксперт признал, что ему вполне планы И. кажутся реалистичными, и при личном обследовании И. показалась эксперту с хорошей стороны. Это мы все услышали. При этом эксперт фактически сказал, что негативные выводы экспертизы были во многом основаны на материалах медицинской документации, полученных из психоневрологического интерната, где описывались конкретные случаи алкоголизации, конфликтов и так далее. Но свидетель С. в прошлом заседании здесь подробно описала, что имел место личный конфликт И. с лечащим врачом психоневрологического интерната, в результате чего в медицинскую документацию были внесены необъективные сведения, именно – фактические сведения о каких-то конфликтах, драках, «пьянках», которых на самом деле не было. С. не могла знать, что сегодня скажет эксперт, но она в прошлом заседании говорила именно об этом.

Эксперт сказал, что на его выводы во многом повлияла позиция матери, которая указывает на делящийся конфликт. Но эксперт не знал – а мы знаем! – что мать подтвердила, что в течение 14 лет вообще не было никакого общения, и на судебном заседании они встретились впервые за 14 лет. А значит, у матери объективно не было сведений о том, какое состояние у И. сейчас и какое течение у нее было. У нее было негативное отношение. И эта сказанная фраза повлияла существенным образом на показания экспертов: эксперт сейчас здесь сам подтвердил, что именно это существенно на него повлияло.

И эксперт сказал, что они считают (и в объяснениях по экспертизе писали), что наибольший вопрос вызывает именно психологическое исследование, то есть аргументы, связанные с планами, со способностями, со способностями к запоминанию, со способностью функционировать в различных областях жизнедеятельности, со способностью принимать решения, способностью участвовать в финансово-правовых отношениях. Мы это подробно написали в объяснении; но выяснилось, что психолог, который пришел к этим выводам, не присутствовал, эксперты-психиатры за эти выводы не отвечают (хотя они их учли) и даже не помнят его имени, так что нам нельзя даже его запросить. Потому что он привлекался на консультационной основе и не был членом экспертной комиссии – как это было бы, если бы экспертиза проводилась комплексная, а не однородная.

И в связи с этим, на наш взгляд, выявились существенные сомнения в правильности выводов экспертизы. И в случае, если возникают сомнения именно в правильности выводов экспертизы, то согласно статье 87 ГК РФ суд вправе назначить повторную экспертизу. И мы считаем, что в такой ситуации необходимо назначить повторную экспертизу и поручить ее другим экспертам – получается, экспертам Центра имени Сербского. И опять-таки, именно по той причине, что основные проблемы с экспертизой связаны именно с частью, связанной с психологическим исследованием, мы считаем, что **повторная экспертиза не должна быть однородной, а должна быть комплексная** – амбулаторная судебная психолого-психиатрическая экспертиза с таким же вопросом в Центре им. Сербского. Мы считаем, что в свете тех фактов, которые выявились при допросе эксперта, в совокупности с показаниями, ранее данными свидетелем С., и объяснениями И., в такой ситуации решение, основанное на заключении экспертов, которое сейчас мы имеем, не будет обоснованным и не будет законным. Поэтому **мы заявляем ходатайство о повторной комплексной психолого-психиатрической экспертизе** в связи с тем, что выявилось.